

Сюжет в литературе и фольклоре

Научная статья

УДК 256 (571.52 + 510 + 517)

DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-40-53

Шаманские нарративы тувинцев: сюжетно-тематический состав

Жанна Монгеевна Юша

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

zhanna-yusha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Аннотация

Статья посвящена исследованию шаманских нарративов – одного из малоизученных аспектов традиционной культуры тувинцев. На основе фольклорных и этнографических материалов обобщены мифологические воззрения, содержащиеся в шаманских рассказах, впервые проведена сюжетно-тематическая классификация фонда шаманских нарративов, выявлены восемь сюжетно-тематических групп, которые включают в себя тридцать три подгруппы. Выявлено, что главным признаком всех шаманских рассказов тувинцев является их установка на достоверность. Несмотря на фантастичность и вымышленность некоторых рассказов, носителями традиции они воспринимаются как достоверные истории, подтверждающие могущество шаманов как избранников духов. Каждая выделенная тематическая группа обладает характерными признаками и определенным составом сюжетобразующих мотивов. Их количество в составе тематической группы зависит от разработанности данной темы в фольклорной традиции тувинцев. Рассмотрено жанровое своеобразие шаманских рассказов, их композиционная структура, а также охарактеризованы механизмы бытования устной повествовательной традиции, в рассказах выявлено отражение основных постулатов шаманской мифологии, проанализирована семантическая и прагматическая наполненность шаманских нарративов в их тесной связи с этнографической действительностью. Работа написана на основе опубликованных данных и полевых материалов автора, собранных в Республике Тыва (2020 г.) и СУАР КНР (2010–2018 гг.).

Ключевые слова

тувинский шаманизм, тувинские шаманы, историческая память, тувинский фольклор, мифология, сюжетно-тематический состав, шаманский нарратив

Для цитирования

Юша Ж. М. Шаманские нарративы тувинцев: сюжетно-тематический состав // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 2. С. 40–53. DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-40-53

© Юша Ж. М., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 2. С. 40–53

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 2, pp. 40–53

Shamanic Narratives of Tuvans: Plot and Thematic Composition

Zhanna M. Yusha

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

zhanna-yusha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Abstract

The article is devoted to the study of shamanic narratives – one of the little-studied aspects of the traditional culture of Tuvans. On the basis of folklore and ethnographic materials, the mythological views contained in shamanic stories are summarized, the plot-thematic classification of the fund of shamanic narratives is carried out for the first time, as a result of which eight plot-thematic groups are identified, which includes thirty-three subgroups. It is revealed that the main feature of all the shamanic stories of Tuvinians is their attitude to authenticity. Despite the fantasticism and fictionality of some stories, the bearers of the tradition perceive them as authentic stories confirming the power of shamans as chosen spirits. Each selected thematic group has characteristic features and a certain composition of plot-forming motifs. Their number in the thematic group depends on the development of this topic in the folklore tradition of the Tuvinians. The genre originality of shamanic stories, their compositional structure are considered, as well as the mechanisms of existence of the oral narrative tradition are characterized, the reflection of the main postulates of shamanic mythology is revealed in the stories, the semantic and pragmatic fullness of shamanic narratives in their close connection with ethnographic reality is analyzed. The work is written on the basis of published data and field materials of the author collected in the Republic of Tyva (2020) and the Xinjiang People's Republic of China (2010–2018).

Keywords

Tuvan shamanism, Tuvan shamans, historical memory, Tuvan folklore, mythology, plot composition, shamanic narrative

For citation

Yusha Zh. M. Shamanic Narratives of Tuvans: Plot and Thematic Composition. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 2, pp. 40–53. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-40-53

В шаманском повествовательном фольклоре отражаются мифологические представления и воззрения об избранности шамана, его роли в качестве посредника между миром людей и духов, о могуществе и чудесных способностях шаманов, об их духах-помощниках и обрядовой деятельности. В тувинской культуре шаманские нарративы представлены двумя типами устных рассказов. Первый тип – тексты, полученные от обычных людей, в которых представлены рассказы о шаманах. Второй тип – тексты, записанные от самих ритуальных специалистов, в которых содержится повествование о других шаманах, рассказы самого шамана о своей ритуальной практике, о проведении им определенных обрядов [Юша, 2022а, с. 260].

Систематизация имеющегося материала по шаманской повествовательной прозе тувинцев позволила нам выявить основной фонд шаманских нарративов. Главным признаком шаманских рассказов тувинцев является их установка на дос-

товерность. Несмотря на фантастичность и вымышленность некоторых шаманских рассказов, они носителями традиции воспринимаются как достоверные истории, подтверждающие могущество шаманов как избранных духов. В нашей классификации основным критерием повествований стало отражение в них особенностей мифологии и основных постулатов шаманизма. Исходя из данных основополагающих признаков шаманские нарративы тувинцев можно объединить в следующие восемь сюжетно-тематических групп:

- 1) Отражение исторической памяти;
- 2) Становление шамана;
- 3) Шаманские обряды;
- 4) Шаманские атрибуты;
- 5) Чудесные способности шамана;
- 6) Противостояние ритуальных специалистов;
- 7) Смерть и похороны шамана;
- 8) Топонимы, связанные с шаманством.

Каждая обозначенная нами сюжетно-тематическая группа имеет определенный состав нарративов, которые обладают единой семантической и прагматической направленностью. На наш взгляд, последовательность тематических групп имеет значение, поскольку в нашем случае предыдущая группа семантически связана со следующей. Сюжетно-тематическая группа «Отражение исторической памяти» в классификации не случайно поставлена первой. Это можно объяснить тем, что основной корпус имеющихся нарративов по шаманской тематике зафиксирован собирателями в советский период, в 1970–1990 гг., значительно позже, чем в других сибирских регионах. В рассказах, записанных в это время, в той или иной мере содержатся отголоски элементов не только классического шаманизма, но и антирелигиозного времени, изложенных очевидцами происходивших событий, которые в дальнейшем повлияли на структуру и бытование шаманских рассказов. Нарушение изложения последовательной цепочки сюжетно-тематических групп может привести к непониманию специфики некоторых текстов.

В нашей классификации каждая сюжетно-тематическая группа включает в себя определенное количество общих сюжетообразующих мотивов, объединенных в подгруппы. Их количество в составе тематической группы зависит от разработанности данной темы в фольклорной традиции тувинцев. Повествования каждой группы могут быть как меморатами, так и фабулатами.

Тематическая группа *Отражение исторической памяти* включает в себя нарративы, состоящие из следующих четырех подгрупп:

- 1) Религиозная ситуация в период ТНР и СССР;
- 2) Преследование шаманов;
- 3) Соккрытие шаманских атрибутов;
- 4) Тайное камлание шаманов.

Устные рассказы данной группы повествуют об исторических событиях в Туве с 1929 по 1990 г. в условиях антирелигиозной пропаганды, когда устраивались гонения не только на шаманов, но и на буддийских лам, когда отрицались традиционные знания, религиозные верования и мифологические представления тувинцев.

цев. Рассказы этой темы в основном записаны от очевидцев происходивших событий, а также от ритуальных специалистов и их близких.

В Тувинской Народной Республике (1921–1944) начиная с 1929 г. в условиях антирелигиозной пропаганды шаманы были объявлены самозванцами, мошенниками, эксплуататорами трудовых масс. Как отмечают историки, «служители культа, многие из которых являлись подлинными духовными наставниками, целенаправленно дискредитировались в глазах населения» [История Тувы, 2007, с. 262]. В рассказах красной нитью идет мысль о том, что многие тувинские шаманы были вынуждены «добровольно» отказаться от своей практики. В них кратко описаны уничтожение обрядовых атрибутов шаманов: бубна, *ээренов*-идолов, а также ритуальной одежды. Однако, судя по нарративам, несмотря на официальный запрет шаманства, тувинское население все еще ощущало потребность в магических специалистах в разных сферах жизни: бытовой, обрядовой, религиозной. Поэтому люди тайно обращались к магическим специалистам, которые подпольно проводили обряды.

В рассказах обращается внимание на то, что со временем тувинская молодежь активно начала поддерживать антирелигиозную пропаганду, проводимую властями. Поэтому в структуре нарративов присутствует мотив разрушения молодежью шаманского наследия. Так, в районе Хемчика в устье р. Ак-Адыр с давних пор было традиционное захоронение шаманов, где находились воздушные погребения знаменитых шаманов округи. «Люди старшего поколения не трогали шаманские *сери*-навесы. Когда обострилась борьба против “черной веры”, некоторые молодые люди, стоявшие в Адыр-Аксы, часть *сери*-навесов разгромили, часть сожгли» (пер. отред. нами. – Ж. Ю.) (МТШ, 2002, с. 185). Нередко в рассказах говорится о том, что молодежь не побоялась разрушить шаманские воздушные погребения. Для людей старшего возраста, выросших в почитании ритуальных специалистов, такое варварство было немыслимо.

В то же время во многих рассказах отмечается, что в отдаленных местностях воздушные захоронения шаманов оставались нетронутыми по нескольким причинам. Во-первых, удаленность от центра и отсутствие контроля; во-вторых, среди тувинского населения бытует поверье, что *сунезин*-душа сильных шаманов остаются в Среднем мире, потому люди боятся потревожить душу умершего шамана, чтобы не вызвать их гнев и месть.

В устных рассказах отражается историческая память о преследовании шаманов. В те годы ритуальный специалист воспринимался как противник революционной власти, служил олицетворением прежней, старой жизни. Конституция ТНР 1930 г. (ст. 47) лишила избирательных прав следующие категории граждан: «торговцев и ростовщиков, лам и шаманов, бывших феодалов и чиновников, организаторов и руководителей контрреволюционных восстаний» [История Тувы, 2007, с. 261]. Лишение избирательных прав граждан имело совсем другое значение, чем сегодня, и в период ТНР вело к исключению из колхоза, в то время как личный скот семьи уже считался колхозным, и люди оказывались без средств к существованию.

В нарративах повествуется о том, что новая власть первым делом «избавлялась» от знаменитых шаманов, которые в своей округе имели хорошую репутацию – их арестовывали и сажали в тюрьмы, где многие из них не выживали. Оставшихся облагали высокими налогами, выселяли из родных мест, отстраняли

от общественной жизни. Подобные же ограничения в правах испытывали и родственники магических специалистов. Так, согласно нарративам, детям шаманов отказывали в получении среднего образования, в результате чего они оставались безграмотными, запрещали ходить на общественные собрания.

Говоря о преследовании шаманов, нельзя пройти мимо темы изъятия шаманских атрибутов – ритуальной одежды, головного убора, бубна, амулетов. В многочисленных рассказах упоминаются случаи уничтожения ритуальных предметов магических специалистов. В повествованиях отмечается также сокрытие шаманской атрибутики в труднодоступных местах.

Устные рассказы свидетельствуют о том, что в антирелигиозный период шаманы в тувинском обществе были востребованы, как и прежде. К ним верующие обращались в разных жизненных ситуациях, особенно по поводу болезней и для отправления похоронно-поминальных обрядов. Изъятие ритуальных принадлежностей и угроза разоблачения привели к определенным изменениям в обрядовой практике: камлания шаманы проводили тайно, без использования обрядовой одежды и бубна, приспосабливаясь к условиям нового времени. В нарративах отмечается, что многие шаманы в целях конспирации стали практиковать камлание с помощью варгана и *кузунгу*-зеркала, поскольку по сравнению с бубном и коло-тушкой они производили меньше шума.

События этого исторического периода сильно повлияли на дальнейшее бытование шаманских нарративов. Начиная с этого периода в рассказах появляются, казалось бы, незначительные детали: какой-то шаман вел камлание на варгане, ритуальные атрибуты доставал только для проведения обряда и др. Не зная исторической реальности данного периода в жизни тувинцев, можно упустить важные детали, упоминаемые в нарративах других сюжетно-тематических групп.

Тематическая группа *Становление шамана* содержит в себе следующие пять подгрупп:

- 1) Категории тувинских шаманов;
- 2) Шаманская болезнь;
- 3) Предотвращение шаманского дара;
- 4) Оживление шаманского бубна;
- 5) Камлание шамана.

Нарративы, отнесенные в эту группу, подчинены единой теме – становлению шамана как избранника духов, способного поддерживать связь с различными духами, происхождению различных категорий шаманов и необычной «болезни» ритуального специалиста. Отличительная черта рассказов данной группы состоит в том, что в качестве исполнителей могут выступать шаманы, рассказывающие «истории» своего становления магическим специалистом в виде мемората, и обычные носители традиции, передающие фольклорный текст в виде фабулата.

Тема о принадлежности тувинских шаманов к определенной категории часто присутствует в нарративах, где содержится описание специфических черт, свойственных той или иной группе: 1) шаманы, ведущие свое происхождение от шаманов-предков; 2) шаманы, получившие шаманский дар от природных явлений; 3) шаманы, получившие шаманский дар от духов Верхнего, Среднего, Нижнего миров [Юша, 2022б, с. 23].

В представлениях всех этнолокальных тувинских групп потомственные шаманы, унаследовавшие шаманский дар по материнской или отцовской линии, считаются сильными магическими специалистами. Тувинцы считали шаманов *арыг сөөктүг* – людьми «с чистой костью». Именно «чистая кость» шаманов отличает их от остальных людей, эта тема прослеживается во всех рассказах.

В мемуарах, записанных от ритуальных специалистов, подробно описаны признаки проявления необычной «болезни» у наследственных шаманов, отмечены этапы их шаманского становления. Судя по рассказам, наиболее яркими чертами шаманской болезни являются физиологические изменения, происходящие с будущим шаманом: улучшение слуха и зрения, видение необычных явлений и предметов. Часто упоминаются случаи недомоганий, припадков, потери сознания, а также неизлечимые болезни, которые преследуют избранника духов до принятия им шаманского дара. В этих текстах прослеживаются мифологические признаки его избранности, которые открывает в себе обычный человек, принимающий обязанность последовать «воле духов».

В фабулатах переданы случаи шаманского становления обычных людей, не имеющих шаманских «корней», но ставших магическими специалистами от духов Среднего и Нижнего миров – *аза, албыс, дишрен*, а также возможности случайного получения шаманского дара от природных явлений – от удара радуги и молнии. Как показывают устные рассказы, у шаманов данной категории не наблюдалась шаманская болезнь, свойственная наследственным магическим специалистам [Юша, 2022б, с. 31].

Отречение от шаманского дара в тувинской культуре связано с представлениями о тяжелой доле и судьбе шамана, который, несмотря ни на что, должен был выполнять свою миссию до конца своих дней. Считали, что нередко шаманы имели несчастливую судьбу, поскольку они не могли оберегать близких людей, спасать и оказывать им помощь. Верили, что добровольный отказ от шаманства, от зова духов мог навлечь беду не только на самого несостоявшегося шамана, но и на его родственников. Рассказы об избавлении от шаманского дара в наши дни бытуют у тувинцев Китая, в них говорится, что только сильный шаман может предотвратить «зов духов».

Посвящение в шаманы у южно-сибирских народов совершалось форме обряда «оживления» шаманского бубна [Алексеев, 1984, с. 139]. Как свидетельствуют устные рассказы тувинцев, будущий ритуальный специалист не принимал участия в изготовлении своего бубна. По устоявшейся традиции, он должен был выбрать дерево, из которого нужно изготовить бубен, и рассказать соплеменникам, где оно находится. Судя по рассказам, при рубке дерева, используемого для изготовления бубна, соблюдаются обычаи и проводятся необходимые обряды – совершают жертвоприношение духу-хозяину дерева, произносят благопожелания и только затем рубят его. К обряду оживления бубна тувинцы заранее готовились всем родом, каждый вносил свой вклад. Архаичные воззрения на родовую взаимопомощь в подготовке шаманского костюма и культовых предметов в наши дни сохранились в устных рассказах тувинцев Китая. В них кратко изложен ритуал посвящения шамана, показана подготовка атрибутов и шаманской одежды родоплеменной группой, сам избранник духов в ней не участвует. В этом же обряде семантическую наполненность привносило и прилюдное облачение шамана в ритуальный костюм, показывающее изменение его статуса (ПМ).

Во многих рассказах описывается приглашение ритуального специалиста, показаны нюансы гостевого этикета для человека, приехавшего в юрту к шаману, а также проезд шамана к пригласившей его семье, существующий традиционный этикет приветствия при котором пользовались высоким стилем языка. Нередко в текстах упоминаются обычаи и предписания, которые выполнялись перед камланием, но структура камлания описывается кратко, в них не содержатся подробности проведенного обряда.

Тематическая группа **Шаманские обряды** включает в себя подгруппы:

- 1) Лечебные;
- 2) Оказиональные;
- 3) Календарные;
- 4) Похоронно-поминальные.

Рассказы, включенные в эту группу, объединяют описание различных ритуалов, проводимых шаманами в тувинской среде. В текстах, записанных от очевидцев и самих магических специалистов, описываются тайное проведение шаманами календарных ритуалов в антирелигиозный период – освящение шаманского дерева, истока реки, домашнего очага. В них часто повествуется о причинах проведения того или иного ритуала определенным шаманом, особенно это касается оказиональных обрядов, которые проводились ритуальным специалистом от случая к случаю, по мере необходимости. Утверждается, что у тувинцев широко распространенными оказиональными обрядами от избавления недугов и несчастий, а также для призвания благополучия определенной семье считались освящение истока реки, священного или шаманского дерева.

В многочисленных текстах присутствуют подробные сведения о причинах возникновения болезней, запретах и предписаниях, «диагностике» болезней магическими специалистами. Рассказы на эту тему оформлены в виде цельных повествований, в которых содержатся представления тувинцев о природе болезни, причинах возникновения недугов. Сохранились архаичные воззрения о том, что болезнь взрослого или ребенка связана с похищением *сунезина* или *кут-души* злыми силами – *аза-бук*, обитающими в Среднем и Нижнем мирах.

Представления о смерти и потустороннем мире, об обязательном участии шамана в похоронно-поминальных обрядах также отразились в устных рассказах тувинцев. В них определена важная роль шамана: установить связь между живыми и умершими, проводить душу умершего в потусторонний мир, предотвратить возможные негативные последствия смерти человека для его родственников.

Исходя из таких представлений, в рассказах указывается, что первым делом после смерти человека его близкие обращаются к шаманам, чтобы они указали удачную сторону света, место для его погребения, время и дату похорон. Часто в нарративах упоминают, что после похорон на седьмые или сорок девять суток с помощью шамана родственники погибшего устраивают «встречу» с душой покойника, эти действия считаются обязательными и в современной похоронной обрядности тувинцев. Полевые работы последних лет в сфере похоронно-поминальных обрядов дают картину синкретизма религиозных верований тувинцев. Судя по нашим записям, именно из-за возможности устроить «общение» с умершим в наши дни тувинцы приглашают шамана на поминальные обряды, чтобы тот провел прощальную встречу. Это происходит даже в тех случаях, когда близ-

кие покойного о дате и времени захоронения умершего советовались с буддийским ламой (ПМ).

Тематическая группа **Шаманские атрибуты** состоит из четырех подгрупп:

- 1) Шаманский костюм;
- 2) Шаманские головные уборы;
- 3) Шаманский бубен;
- 4) Шаманские *ээрены*.

Тексты, входящие в эту группу, представляют собой объяснение семантики и прагматики шаманской атрибутики, ее значимости в культовой практике магических специалистов. В них подробно описываются обрядовые предметы и ритуальная одежда шамана: бубен, жезл, головной убор, *тон*-халат, обувь, *ээрены*-онгоны; уделяется внимание их изготовлению. Согласно нарративам, вся шаманская атрибутика считалась священной, к ним относились с крайне осторожностью. Посторонним запрещено трогать эти предметы, они всегда находились в почетной части жилища. Существовали и нормы поведения, система запретов для детей по отношению к магическим специалистам и их ритуальным предметам.

В рассказах утверждается, что атрибуты шамана давали представление о его статусе и шаманской силе, а также о его духах-помощниках. Носители традиции считают, что обрядовые предметы оказывали содействие магическому специалисту в его контакте с духами и существами иных миров для достижения положительного результата в процессе камланий. В текстах имеются объяснения семантики изображения лица человека на обрядовых шапках ритуальных специалистов. Тувинцы верят, что глаза, изображенные на шапке, символизируют двойное зрение шамана, так как он видит недоступное зрению обычного человека. Уши, нарисованные на головном уборе, показывают чуткий слух шамана, который независимо от расстояния слышит различные голоса и звуки. По древним тотемистическим воззрениям, нос, изображенный на шапке, символизирует медвежий нос, поскольку тувинцы верят, что медведь обладает чутким обонянием и слухом, который необходим шаману для проведения камлания.

В тувинской традиции, как отмечала В. П. Дьяконова, только сильные шаманы могли иметь два бубна и два плаща [1981, с. 158]. Это находит подтверждение в устных рассказах: у великих шаманов (*улуг хам*) могло быть по два ритуальных костюма, которые в зависимости от семантической направленности шаманского обряда имели разную цветовую символику. Так, для проведения обряда проклятия шаманы обычно облачались в ритуальную одежду черного цвета – специальный головной убор и плащ.

Важную роль в обрядовой практике шаманов играли и *ээрены*-онгоны. Каждый *эрен* имел свое вместилище-изображение, причем понятие *эрен* совмещало в себе как название самого духа, так и его вместилища и изображения. Некоторых из *ээренов* могли иметь только шаманы, остальных – как шаманы, так и любой другой человек [Вайнштейн, 1991, с. 241]. Как свидетельствуют рассказы, *ээрены* воспринимались как живые существа. Каждый из них имеет свой характер, иногда они могут проявлять человеческие качества: обижаться и сердиться. В тувинской традиции считалось, что шаман без помощи своих *ээренов* не может камлать, их функция – защищать хозяина и бороться с враждебными духами. В нарративах содержатся представления о том, что они во время камланий выполняют поруче-

ния магического специалиста, ловят враждебных духов, посещая разные места, в том числе и Нижний мир, гоняются за злыми духами, причиняющими людям вред.

В мемуарах рассказчики часто восхищаются красотой и изяществом шаманских костюмов, шаманскими культовыми предметами; очевидцы отмечают их богатое оформление, красочность, уникальность ритуальной одежды и атрибуты каждого шамана.

Тематическая группа **Чудесные способности шамана** состоит из шести блоков:

- 1) Предвидение шаманов;
- 2) Необычные физические «способности» магических специалистов;
- 3) Перевоплощение шаманов в зверей, птиц, антропоморфных существ;
- 4) Телепортация вещей и предметов шаманами;
- 5) Влияние ритуальных специалистов на погоду;
- 6) Проклятия шамана.

Тексты данной группы основаны на вере в могущество и сверхъестественные, волшебные способности шаманов. В них повествуется о перевоплощении шаманов в антропоморфных существ, птиц и зверей, об умении магических специалистов воздействовать на погоду – вызывать ненастье, дождь и ветер, грозу и молнию, а также об обладании способностью шаманов насылать проклятия в адрес своих обидчиков. Исполнителями подобных рассказов являются и обычные люди, и сами шаманы. В текстах обычных людей в описании чудесных навыков шаманов присутствуют восхищение, уважение и боязнь. А в рассказах самих магических специалистов прослеживается цель убедить собеседников в том, что они обладают необычайной силой.

В рассказах важное место уделяется и предвидению шамана, которое считается одним из основных проявлений шаманского дара. Носители традиции уверены, что ритуальный специалист осведомлен о предстоящих событиях в жизни окружающих его людей; о времени и месте определенного события; о выздоровлении и уходе из жизни конкретных людей.

Согласно повествованиям, обычно шаманы демонстрировали свои чудесные преобразования до начала или во время камланий. Способности, приписываемые шаманам: проглотить нож, выстрелить в себя, ходить по горячим углям – подтверждали могущество шамана в глазах верующих и вызывали у них суеверный страх. Наиболее часто встречаются тексты, в которых описываются чудеса, проделываемые шаманом с помощью ножа. В них выделяются следующие виды трюков: «шаман проглатывает нож», «шаман забивает в свою грудь нож». Судя по рассказам, перевоплощение магических специалистов в различных зверей происходит в определенных случаях: во время борьбы двух враждующих шаманов; в целях устрашения или как доказательство обладания шаманской силой.

Сохранились рассказы о великих местных шаманах, обладающих необычным даром телепортации предметов. В ряде текстов утверждается, что, несмотря на дальние расстояния, шаман, не выходя из своей юрты, мог найти пропавшие предметы и вернуть их владельцу. Множество текстов посвящено мотиву нахождения табака шаманами, поскольку в старой Туве табак был одним из дорогих и дефицитных товаров, который доставляли в основном из Китая. В рассказах

подчеркивается, что шаманы сами табак не курили, но они находили его и доставали по просьбе своих соплеменников, затем раздавали им.

В имеющемся фонде нарративов встречаются различные мотивы воздействия магических специалистов на погоду (во благо или во вред). В текстах о ритуалах воздействия на природные явления обычно содержится подробное описание обрядовых действий, а в ткань повествования могут быть включены и шаманские песнопения, в которых передается обращение магического специалиста к синему вечному Небу, где содержится определенная просьба шамана, описываются совершаемые им ритуальные действия во время камлания.

В рассказах повествуются о проклятии обиженных шаманов, об их жертвах и результатах проведенного обряда проклятия. Тексты могут быть как меморатами, так и фабулатами. В них слушателям внушается мысль о шаманской силе, о действенности насланного шаманского проклятия, о необходимости по отношению к ритуальным специалистам вести себя уважительно и осмотрительно.

Тематическая группа *Противостояние ритуальных специалистов* содержит четыре подгруппы:

- 1) Борьба между шаманами;
- 2) Противостояние между шаманом и ламой;
- 3) Победа шамана над ламой;
- 4) Победа ламы над шаманом.

Нарративы данной группы интересны тем, что в них показано противостояние между ритуальными специалистами. Если в тувинской фольклорной традиции до этого существовали только тексты о борьбе двух шаманов-противников, то для реализации мотива «борьба шамана и ламы» используется старая фольклорная схема, где вместо двух шаманов главными персонажами стали враждующие шаман и лама.

По представлениям тувинцев, в шаманских поединках побеждает более сильный ритуальный специалист, который смог убить более слабого каким-либо сверхъестественным способом, и в таких случаях говорили, что сильный шаман «съел» другого. Верили, что соперничающие шаманы могут бороться между собой независимо от их местоположения и расстояния между ними. Судя по рассказам, шаманские столкновения возникают в следующих случаях: 1) месть шамана за нанесенную обиду; 2) соперничество и конкуренция между шаманами; 3) состязания в магической силе; 4) зависть одного шамана к другому; 5) личная неприязнь шаманов.

Ко второй половине XVIII в. в связи широким распространением буддизма в Туве стали постепенно появляться рассказы о противостоянии шаманов и лам, обладающих магическими способностями и враждующих между собой. В них победителем выходит то шаман, то лама, в зависимости от того, приверженцами буддизма или шаманизма являются рассказчики. Имеются тексты, в которых в результате борьбы шамана и ламы умирают оба ритуальных специалиста, что свидетельствует, по народным воззрениям, об их равной магической силе. В фольклорной традиции также имеются нарративы о примирении ритуальных специалистов, обладающих равной силой, что говорит о толерантной форме религиозной ситуации.

Несмотря на укрепление позиций буддизма, среди местного населения шаманы оставались такими же востребованными, как и прежде. В рассказах сторонников шаманизма говорилось о победе шаманов над буддийскими ламами, так как у них сильные духи-помощники, они лучше владеют магическими приемами борьбы, поскольку общаются с духами Среднего и Нижнего миров.

В рассказах, посвященных борьбе ритуальных специалистов, сторонники «желтой веры» противопоставляли шаманам буддийских лам как образованных и ученых людей. В них повествуется о могуществе буддийских лам, об их невероятных способностях, благодаря которым они могут уничтожить не только шаманов, но и их духов-помощников в виде различных зверей и птиц. Возможно, на первом этапе распространения буддизма подобные рассказы специально сочинялись заинтересованными людьми в целях пропаганды буддийской религии и укрепления авторитета служителей буддизма среди местного населения.

Тематическая группа *Смерть и похороны шамана* включает четыре подгруппы:

- 1) Представления, связанные со смертью шамана;
- 2) Традиционный способ воздушного захоронения;
- 3) Новый способ захоронения;
- 4) Судьба шамана после смерти.

Тексты данной группы содержат архаичные воззрения о смерти ритуального специалиста, отличной от смерти обычного человека; о судьбе шаманов после их смерти; о произошедших изменениях в шаманской похоронно-поминальной обрядности тувинцев в начале XX в.

Согласно рассказам, смерть шамана представлялась совсем иной, чем у обычных людей, поэтому в них подробно описано поверье о связи бубна с жизнью магического специалиста, существующее не только у тувинцев, но и у других народов Южной Сибири, что «если уничтожить бубен шамана, то таким путем можно умертвить шамана» [Потапов 1947, с. 160]. Это воззрение о тесной взаимосвязи шамана и его бубна, которое отражено в традиции уничтожения бубна после смерти его владельца, присутствует у всех тувинских этнолокальных групп. Для этого кожу бубна разрезали или протыкали ножом, не трогая ножом обечайку. Невыполнение этого правила сулило несчастье родственникам магического специалиста.

В устных рассказах повествуется о захоронении шамана согласно архаическим обычаям, когда шамана хоронили на построенных подмостках (*сери*), не предавая его тело земле, а его культовые принадлежности оставляли рядом либо подвешивали на вблизи стоящее дерево. Согласно текстам, соблюдая правила и предписания шаманской похоронной обрядности, магических специалистов хоронили отдельно от обычных людей. Имеются объяснения, что необычному способу захоронения способствовали представления о шаманах как об особенных людях, которые выделяются среди других людей. Так, воздушные захоронения рассказчики часто связывали с широко бытующими в тувинской среде представлениями о «чистой кости» (*арыг сөөк*) шаманов в отличие от обычных людей. Данный способ похорон магических специалистов у российских тувинцев просуществовал до начавшейся в 1929 г. антирелигиозной пропаганды.

Во многих текстах описывается новый способ захоронения шамана – предание земле. Общей чертой этих рассказов является наличие сведений о шамане, указание места его захоронения, объяснение невозможности похоронить его как положено – по традиции, и содержится констатация факта захоронения шамана новым способом, принятым в период преследования шаманов. Информанты часто признавались, что они впервые видели как шамана с «чистой костью» хоронили рядом с обычными людьми, что было немыслимо раньше. В это же время появляются рассказы об уничтожении культовых атрибутов самими шаманами. В текстах имеются упоминания, что перед смертью шаман сжег свои обрядовые предметы. Видимо, чтобы не осквернять их, поскольку при новой власти предстояло захоронение новым способом. По народным представлениям, предание огню предметов также считается одним из обрядовых действий очистительного плана; а сожжение шаманских атрибутов равнозначно умерщвлению самого ритуального специалиста, поскольку, например, бубен символизирует жизнь самого шамана.

Сохранились нарративы, повествующие о судьбе шаманов после их смерти. В них особое место отводится гулу шаманского бубна и голосам умерших шаманов. Указывается время начала действия – пограничное, когда садится солнце, или поздно вечером. По представлениям тувинцев, великие шаманы продолжали камлать и после своей смерти. Носители традиции считают, что на это влияет соблюдение традиции захоронения магических специалистов на построенных подмоствах, где рядом с умершим оставляли ритуальную одежду и культовые предметы. Судя по нарративам, ритуальные специалисты после смерти могли показываться и в образе своих духов-помощников, в этом виде они могли появиться в окрестностях родного стойбища или в тех местах, где они при жизни проводили камлания.

Тематическая группа *Топонимы, связанные с шаманством* состоит из двух подгрупп:

- 1) Названия шаманских атрибутов в качестве топонимов;
- 2) Названия шаманских обрядов в качестве топонимов.

В этой группе представлены немногочисленные нарративы о топонимах, которые содержат объяснение, почему тот или иной географический объект именован названием культового предмета ритуальных специалистов или названием шаманского обряда. Например, в одном рассказе говорится о том, что название местности *Кузунгүлүг* (букв. «имеющее шаманское *кузунгу*-зеркало») связано с теми архаичными представлениями, по которым *кузунгу*-зеркало как небесный предмет якобы падало с неба на землю. К его ловле готовились заранее и на его место приходили ночью с ритуальными платами – *кадак*, символизирующими уважение и почтение. Считали, что *кузунгу* ночью сверкал огоньками (ТУМ, 1995, с. 93). Возможно, немногочисленность рассказов на эту тему связана с тем, что некоторые топонимы в антирелигиозный период были заменены другими.

Таким образом, в работе на основе фольклорных и этнографических материалов обобщены мифологические воззрения, содержащиеся в шаманских рассказах, впервые проведена сюжетно-тематическая классификация фонда шаманских нарративов, выявлены восемь сюжетно-тематических групп, которые включают в себя тридцать три подгруппы. Несмотря на отнесенность к разным тематическим группам, шаманские нарративы имеют установку на достоверность, поэтому

носителями традиции они воспринимаются как достоверные истории, подтверждающие могущество шаманов. Каждая выделенная тематическая группа обладает характерными признаками и определенным составом сюжетообразующих мотивов. Их количество в составе тематической группы зависит от разработанности данной темы в фольклорной традиции тувинцев. Рассмотрено жанровое своеобразие шаманских рассказов, их композиционная структура, а также охарактеризованы механизмы бытования устной повествовательной традиции, в рассказах выявлено отражение основных постулатов шаманской мифологии, проанализирована семантическая и прагматическая наполненность шаманских нарративов в их тесной связи с этнографической действительностью и ритуальной практикой магических специалистов.

Шаманский повествовательный фольклор тувинцев требует дальнейшего исследования в сравнительно-сопоставительном плане с аналогичной устной традицией сибирских народов.

Список литературы

Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Дьяконова В. П. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 129–164.

История Тувы: В 3 т. / Под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

Потапов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // Тр. Ин-та этнографии. 1947. Т. 1. С. 159–182.

Юша Ж. М. Жанровая специфика шаманских нарративов в фольклорной традиции тувинцев // Критика и семиотика. 2022а. № 2. С. 258–274. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-258-274

Юша Ж. М. Устные рассказы о шаманском становлении в фольклорной традиции тувинцев // Сибирский филологический журнал. 2022б. № 4. С. 21–33. DOI 10.17223/18137083/81/2

Список источников

МТШ – *Кенин-Лопсан М. Б.* Мифы тувинских шаманов = Тыва хамнарнын то-рулга-лары. Кызыл: Новости Тувы, 2002. 538 с. (на рус. и тув. яз.)

ПМ – Полевые материалы, собранные в Туве и СУАР КНР в 2010-2020 гг. из личного архива Ж.М. Юша

ТУМ – Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары (Тувинские мифы и легенды): Памятники тувинского фольклора / Сост. А. Д. Арапчор. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 139 с. (на тув. яз.)

References

Alekseev N. A. Shamanizm tyurkoyazichnykh narodov Sibiri [Shamanism of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 233 p. (in Russ.)

Dyakonova V. P. Tuvinskie shamany i ikh sotsial'naya rol' v obshchestve [Tuvan shamans and their social role in society]. In: Problemy obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 129–164. (in Russ.)

Potapov L. P. Obryad shamanskogo bubna u tyurkoyazichnykh plemen Altaya [The rite of reviving the shaman's tambourine among the Turkic-speaking tribes of Altai]. *Trudy Instituta etnografii*, 1947, vol. 1, pp. 159–182. (in Russ.)

Vainshtein S. I. Mir kochevnikov tsentra Asii [World of nomads of the center of Asia]. Moscow, Nauka, 1991, 296 p. (in Russ.)

Vainshtein S. I., Mannai-ool M. H. (eds.). Istoriya Tuvy [History of Tuva]. In 3 vols. Novosibirsk, Nauka, 2001, vol. 1, 367 p. (in Russ.)

Yusha Zh. M. Genre Specificity of Shamanic Narratives in the Folklore Tradition of Tuvans. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 258–274. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-258-274

Yusha Zh. M. Oral stories about shamanic formation in the folklore tradition of Tuvans. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 21–33. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/2

List of Sources

Kenin-Lopsan M. B. Mify tuvinskikh shamanov [Myths of Tuvan shamans]. Kyzyl, Novosti Tuvy, 2002, 538 p. (in Russ. and Tuv.)

Polevie materialy, sobrannie v Tuve i SUAR KNR v 2010–2020 gg., iz lichnogo arhiva Zh. M. Yusha.

Arapchor A. D. (comp.). Tiva ulustun mifleri bolgash toolchurgu chugaalari (Tuvinskie mify i legendy): Pamyanniki tuvinskogo folklor [Tuvan myths and legends: Monuments of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1995, 139 p. (in Tuv.)

Информация об авторе

Жанна Монгеевна Юша, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57202400847

WoS Researcher ID 9856-2020

Information about the Author

Zhanna M. Yusha, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57202400847

WoS Researcher ID 9856-2020

Статья поступила в редакцию 23.04.2023;

одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 10.05.2023

The article was submitted on 23.04.2023;

approved after reviewing on 05.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023